

Д. РЕВЕЛЛИ

Гораций и русская литература XVIII—нач. XIX в.

Великий латинский поэт Квинт Гораций Флакк (65—8 до н. э.) пользовался большим успехом и почтением среди русских литературных деятелей вплоть до наших дней. Но особенно высоко его поэтическое творчество ценилось в XVIII в., когда оно стало образцом для произведений самых разных литературных жанров.¹ Действительно, русские литераторы XVIII в. хорошо знали и внимательно изучали шедевры древнеримских классиков, и особенно основные поэтические принципы Горация Флакка, изложенные в «Послании к Пизонам» (*De arte poetica*) и в других произведениях (*Eprodi*, *Carmina*, *Satire*), которые вполне отвечали литературным требованиям классицизма, основанного на четком разделении жанров и стилей.² Говоря о своеобразии русского классицизма Д. С. Лихачев замечает, что «знание классических произведений, умение ценить их достоинства, чувствовать их внутреннюю красоту и совершенство — обязательное условие образованности».³

Благодаря высокоразвитой национальной литературной культуре, в России поэты-литераторы XVIII в. могли воспринимать древние и более поздние иноземные классические произведения и успешно их усваивать.⁴

Русские авторы, чтобы следить за новыми сюжетами и правилами разных литературных жанров классицизма, уже в первой половине XVIII в. обращались не только к французским моделям, к «*Art Poetique*» Буало, но расширяли кругозор своих литературных интересов, уделяя особое внимание древнеримской и древнегреческой поэтической традиции.⁵ В. К. Тредиаковский, первый русский «поэт-ученый», переводивший прозой на русский язык «Послание к Пизонам»⁶ Горация, которое сам он назвал «главнейшим анти-

¹ О значении Горация в русской литературе см. История русской литературы / Под ред. Д. С. Лихачева и Г. П. Макогоненко Л., 1980 Т. 1 С. 472, Busch W. Horaz in Russland Munchen, 1964

² Гукковский Г. А. О русском классицизме // Поэтика Сб. статей Л., 1929 Т. 5 С. 21—65, Морозова Г. В. Гораций в литературной теории и практике Феофана Прокоповича // Проблемы поэтики Алма-Ата, 1980

³ Лихачев Д. С. Великое наследие // Лихачев Д. С. Избр. произведения В. 3 т. Л., 1987 Т. 2 С. 3

⁴ Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова Прага, 1976 С. 59—122, Моисеева Г. Н. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века Л., 1980 С. 6—19, 186—233

⁵ Николаев С. И. Из литературной эстетики петровской эпохи // XVIII век СПб. 1993 Сб. 18 С. 218—229 Серман И. З. Литературно-эстетические интересы и литературная поэтика Петра // Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века Л. 1974 С. 5—50

⁶ Тредиаковский В. К. Сочинения как стихами, так прозою СПб., 1752, здесь Тредиаковский опубликовал стихотворный перевод «Поэтики» Буало и прозаический перевод «Послания к Пизонам», см. История русской литературы Л. 1980 Т. 1 С. 511—512

чным трактатом о поэзии», подчеркивал зависимость «Поэтики» Буало от латинского первоисточника.⁷ В одическом жанре Тредиаковский считал Пиндара и Горация недостижимыми образцами.⁸

В ходе дискуссий об очень важной в то время проблеме создания русского литературного языка поэты-ученые проявляли значительный интерес к классической древности, расширяя круг своих поисков за счет изучения словесного состава произведений греческих и латинских авторов, особенно Горация.⁹

Если в литературной культуре XVIII в. Горация уважали как поэта, тем не менее особенно к концу этого века его открыто осуждали как человека. На самом деле латинского поэта называют «певцом» императора Августа и даже «Октавов льстец»;¹⁰ именно так прозвал Горация Капнист, несмотря на то что сам очень ценил его творчество и переводил тщательно и с большой аккуратностью его произведения. Но Гораций не заслуживает ни первого, ни второго эпитета в плохом смысле этого слова, потому что он был прежде всего искренним «певцом» доблести старой Римской республики (Сатира I, 6), точно так же как Ломоносов и Державин были певцами величия Российской империи. В распадающейся Римской республике латинский поэт видел беспспорное ограничение гражданских свобод, и в период междоусобных войн (40 лет до н. э.) он предвидел, что по этой причине иностранный завоеватель захватит римские стены (Erod. 16, 1—14). Эти тревожные мысли Горация о свободе вполне разделял А. С. Пушкин в последних стихах «Лицинию» («О Рим, о гордый край разврата, злодеянья! / Придет ужасный день, день мщенья, наказанья. / Предвижу грозного величия конец: / Падет, падет во прах вселенный венец. / Народы юные, сыны свирепой брани, / С мечами на тебя подымут мощны длани, <...> И путник <...> Воскликнет <...>: „Свободой Рим возрос, а рабством погублен“»).¹¹

Гораций стал реальным сторонником или «певцом» Августа только тогда, когда император начал коренное моральное и политическое обновление города и всей империи (Ода III, 22, 23, 24). Глубокие чувства искренней благодарности и уважения связывали Горация с Меценатом,¹² о котором М. В. Ломоносов писал: «Возможно ли внимать Горациевой пире, не склонясь духом к Меценату, равно как бы он нынешним наукам был по-

⁷ Тредиаковский В. К. Наука о стихотворении и поэзии с французских стихов Боало — Депревых стихами ж // Русская литературная критика XVIII века М, 1978 С 81, о заимствованиях Буало из Горация см Diderot D Correspondence medite Paris, 1931 Vol 1 P 304s Buck A Zur Einfuhrung // Boileau N L'art poetique Munchen, 1970 P 24, Bray R. Boileau L'homme et l'oeuvre Paris, 1962 P 74, Hervier M L'art poetique de Boileau Etude et analyse Paris 1949 P 23

⁸ Тредиаковский В. К. Рассуждение об оде вообще // Русская литературная критика XVIII века М, 1978 С 69, об этом см Drage C L Russian literature in the eighteenth century London, 1994 P 5—11

⁹ Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII—начала XIX века М, 1985 С 158—199, на эту тему см Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против» М 1975 С 218—219, по этому поводу см Сумароков А. П. Наставление хотящим быть писателями 1748—1774 // Русская литературная критика М 1978 С 112—117 Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. В 10 т. Л, 1959 Т 7 С 13

¹⁰ Капнист В. В. Собр. соч. В 2 т. / Ред. вступ. статья и примеч. Д. С. Бабкина М. Л. 1960 Т 1 С 232, 211, Busch W Horaz in Russland S 99—105 мнение Капниста о Горации разделял и А. Н. Радищев, см Кочеткова Н. Д. Радищев и проблема красноречия в теории XVIII века // А. Н. Радищев и литература его времени Л, 1977 С 16

¹¹ Пушкин А. С. Собр. соч. М. 1974 Т 1 С 16

¹² Высокие чувства дружбы и благодарности Гораций выражает в оде II, 17, посвященной Меценату, чтобы праздновать его выздоровление. По этому образцу Г. Р. Державин написал «На выздоровление Мецената» в честь И. И. Шувалова и А. С. Пушкин сочинил ироническое стихотворение «На выздоровление Лукулла. Подражание латинскому». Об этом см Петрунина Н. Н. На выздоровление Лукулла // Стихотворения Пушкина 1820—1830-х годов М. 1974 С 323—362

кровитель?».¹³ Но и перед этой особой он был «независим». В стихотворениях, которые он посвятил Меценату, Гораций твердо и откровенно утверждает свое право на личную свободу и независимость от него, как, например, в «Послании», где поэт предупреждает своего покровителя, что готов все ему вернуть, если он не согласится дать ему свободу: «Nec ego si compellor imagine, cuncta resigno» (Посл. I, 7 (34)).

Трудно поэтому считать Горация просто придворным поэтом, особенно если принять во внимание его очень сложный жизненный путь и лирический субъективизм его поэтического творчества, сильно отличавшегося от безличной поэзии классицизма.¹⁴

В отличие от поэтов-классицистов XVIII в. Гораций отказался писать восхваляющие эпические произведения (Ода II, 12),¹⁵ несмотря на наставления Мецената и великого латинского поэта Вергилия. Муза поэта, как он сам утверждает, не позволяет ему воспевать храбрые деяния великих людей и торжественные события, потому что он недостаточно одарен для таких важных тем и из-за недостатка ума может уменьшить даже славу великого Цезаря Октавиана (Ода I, 6 (9—12)). Муза Горация принуждает его, легкомысленного и влюбленного, воспевать только пиры, дев, любовь: «Nos convivia, nos proelia virginum / sectis in juvenes unguibus acrum / cantamus, vacui sive quid urmur / non praeter solitum leves» (Ода I, 6 (17—20)). Как трудолюбивая пчела горы Матино¹⁶ собирает сладкий тимьян, так и он с большим старанием сочиняет стихи, написанные недалеко от леса, на берегу реки Тиволи (Ода, IV, 2 (27—32)).

В русской литературе XVIII в. этим жизнерадостным темам посвятил прекрасные стихотворения Г. Р. Державин. Подобно тому как Гораций прославлял *радостные пиры* Августова периода, великий русский поэт о великолепных *царских празднествах* писал оды, в которых воспевал роскошь приемов и пышность дворцовой жизни времен Екатерины II: «Эта поэзия довольства, поэзия сытости, пожалуй отталкивала бы нас, не будь она абсолютно чистой от налета пресыщенности. Пресыщенности нет и в помине».¹⁷ Ни в одном из своих одических стихотворений русский поэт не упоминает Горация, но тем не менее «Державин ощущает близость „размыслительного“ типа оды к оде Горация или „Горацианской“ оде, что для него было в сущности одно и то же».¹⁸

В развитии горацианской темы восхваления деревенской жизни особенно выделяются стихотворения Капниста и Державина, последний сочинил две оды одна «О удовольствии», которая является вольным переводом оды III, 1 и сатиры II, 2 Горация, и другая «Похвала сельской жизни», бесспорное подражание горацианскому второму эподу.

Несмотря на то что Гораций считал себя только «лирическим стихотворцем», глубокая нравственность и воспитательная направленность проносили все его поэтическое творчество. Он утверждал, что назначение поэтов «принести пользу, или услаждать, или обоими этими способами

¹³ Ломоносов М В Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // Соч М 1957 С 241

¹⁴ Вомперский В П Стилистическое учение М В Ломоносова и теория трех стилей М 1970 С 55—70, 153—155

¹⁵ Гораций утверждает свою неспособность к эпическим сочинениям во многих стихотворениях как например, в одах I, 6 II 12, IV, 2, IV, 15

¹⁶ Гора, которая находится в Пулье, на Гаргано, на юге Италии

¹⁷ Аверинцев С С Поэзия Державина // Державин Г Оды Л, 1985 С 10, Ripel lino A M Variazioni sulla poesia di Derzavin // Letteratura come itinerario del meraviglioso Torino 1968 P 29—37

¹⁸ Алексеева Н Ю Державинские оды (К вопросу о реформе оды) // XVIII век (Пб 1993 (6 18 С 90

оказывать людям помощь в жизни»: ¹⁹ «Aut prodesse volunt eut delectare poetae / aut simul et iucunda et idonea dicere vitae» (De arte Poetica, 335—336). Поэтический принцип Горация «мешать полезное с приятным» («docere et delectare») нашел широкое применение у авторов XVIII в., и особенно в России. ²⁰ Феофан Прокопович в трактате о поэтике, ²¹ написанном им на латинском языке, вполне воспринял гораціанское понятие о цели поэзии, а в другом — о риторике ²² значительно, в соответствии с античными риторическими принципами, ²³ добавил третий глагол: docere, delectare, *movere*, т. е. «учить», «восхищать», «возбуждать» — означают три разных стиля речи: «Если в предмете описания нет ничего выдающегося в своем роде, ты найдешь, что учить необходимо низким стилем, восхищать — средним, возбуждать — высоким». ²⁴

М. В. Ломоносов, принявший в первом издании своей «Риторики» (1744) принцип Цицерона «docere, delectare et *flectere*» («убеждать»), ²⁵ затем менял *flectere* с глаголом *movere*. Впоследствии он так уточнил свое мнение по этому поводу: «Красноречие есть искусство о всякой данной материи красно говорить и тем *преклонять других к своему мнению*». ²⁶ Определяя понятие красноречия, Ломоносов несомненно отдавал особое предпочтение эмоциям и восторгу, характерным для его литературного творчества, прежде всего для его одических сочинений, ибо ставил себе целью эмоционально влиять на слушателей, а не убеждать их подходящими разумными словами. Ю. Н. Тынянов в своей статье «Ода как ораторский жанр» перечисляет словесные и стилистические особенности ломоносовских одических сочинений, которые напоминают иногда словесное изобилие стиля барокко. ²⁷ В этом исследователем видят отличительную особенность одического стиля Ломоносова, нарушающую принцип гармонического равновесия классицизма в *повышении тона, восторге*. Но стилистический принцип *возбуждения* раньше уже употреблял и ясно определял Гораций, который в «Искусстве поэзии» утверждает, что литературные сочинения должны быть не только красивыми, но и впечатляющими, для того чтобы привлечь внимание слушателей к призыву, содержащемуся в этих произведениях: «Non satis est pulchra esse poemata: dulcia sunt / et quocumque volent animum auditoris agunt. / Ut ridentibus adrident, ita flentibus adsunt / humani voluntus...» (De arte poetica, 99—101). Кроме того, надо еще добавить, что этот гораціевский поэтический принцип был расширен к концу I в. н. э. в анонимном

¹⁹ Цит из перевода на русский язык трактата Ф Прокоповича Prokopowicz F De arte poetica libri III ad usum et institutionem studiosae juventutis roxolanae dictati Kioviae in Ortodoxa academia mohyleana anno domini 1705 Mohilowiae, 1786 P 342

²⁰ По этому поводу см Степанов В П К вопросу о репутации литературы в середине XVIII в // Русская литература XVIII—начала XIX века в общественно-культурном контексте Л, 1983 С 105—120

²¹ Prokopowicz F De arte poetica P 234, 238

²² «De arte rethorica libri decem a Theophano Prokopowicz olim ex variis autoribus collecti in Mosquensi Imperiali Academia anno domini MDCCXLIX explicata» Этот трактат был издан Прокопович Ф Про риторичне мистецтво // Философські твори Київ, 1979 Т I С 103—433 см Кибальник С А О риторике Феофана Прокоповича // Русская литература XVIII—начала XIX века в общественно-культурном контексте Л, 1983 С 193—206

²³ На эту тему см Barthes R L'ancienne rhetorique Paris, 1970 P 57—61

²⁴ Prokopowicz F De triplici dicendi genere seu stylo sublimi sive gravi, medio, seu floride, infimo, seu familiari (De arte rethorica libri X) // Вомперский В П Стилистическое учение М В Ломоносова и теория трех стилей С 197

²⁵ О значении Цицерона в творчестве Ломоносова см (стенник Ю В Теоретико-литературные взгляды М В Ломоносова // Ломоносов и русская литература М 1987 С 36—42

²⁶ Ломоносов М В Краткое руководство к красноречию // Михайло Ломоносов Жизнеописание Избр труды М 1989 С 228

²⁷ Об этом см Тынянов Ю Н Ода как ораторский жанр // Тынянов Ю Н Поэтика История литературы Кино М 1977 С 227—252, Моисеева Г Н Поэтическое творчество М В Ломоносова // Ломоносов и русская литература М 1987 С 18—19

трактате по поэтике — «О возвышенном»,²⁸ написанном на греческом языке, возможно, в Риме и переведенном на французский язык в 1674 г. Н. Буало. Для совершенствования своего одического стиля М. В. Ломоносов мог использовать этот анонимный трактат, где подробно описываются стилистические принципы и приемы, позволяющие достичь возвышенного стиля в поэтическом творчестве, и объясняется, каким образом можно влиять на слушателей, вызывая у них *восторг* и *возбуждение души*.

Но поэзия Горация стремилась не только к *возвышенному*. Уже в первом периоде его творчества (до 30 г. до н. э.) в «Эподах» и «Сатирах»²⁹ можно заметить сочетание высокого нравоучения с развлечением, но эти произведения не стали образцами для русских авторов, предпочитавших следовать в подобных жанрах французским образцам.³⁰ Показательно, что А. Кантемир³¹ сделал стихотворный перевод на русский язык не «Сатир», а «Посланий» Горация.³² В творчестве Сумарокова можно заметить очевидные сходства с сатирой I, 10 Горация, в которой латинский поэт обращается к «худым» поэтам своего времени, в первую очередь к сатирику Луцилию, писавшему неровными стопами очень плохие стихи, неряшливо употребляя греческие слова.³³ Бездарным и невежественным поэтам и переводчикам 70-х гг. XVIII в., «засоряющим русский Парнас», Сумароков посвятил сатиру IV «О худых рифмоторцах»,³⁴ проникнутую острой полемической направленностью.

Кроме того, в сатире I, 10 Гораций излагает два стилистических принципа, приобретающих определяющее значение в литературной деятельности Сумарокова, особенно в его одических стихотворениях: *краткость изложения* — избыток слов мешает ушам (Satira I, 10, 9—11)³⁵ и *чистота языка* — не надо употреблять иностранные слова, особенно в поэзии; Гораций осуждает Луцилия за то, что он смешивал латинские и греческие слова (20—21).³⁶ В статье «К немисленным рифмоторцам» Сумароков спрашивает: «Что похвальной естественной простоты, искусством очищенной, и что глупее сих людей, которые вне естества хитрости ищут?». И далее, иронически обращаясь, возможно к Тредиаковскому: «...а что свойственно до порчи касается языка, немцы насыпали в него слов немецких, петиметеры — французских, предки наши — татарских, педанты латинских <. > опасно, что Кирейки не умножили в нем и польских слов».³⁷ Таким образом, Сумароков

²⁸ «ΠΕΡΙ ΥΨΟΥΣ Η Sublime» a cura di G. Guidorizzi Milano, 1991

²⁹ И С Барков опубликовал сатиры Горация на русском языке в 1763 г. Квинта Горация Флакка сатиры или Беседы с примечаниями, с латинского языка предложенные российскими стихами Академии наук переводчиком Иваном Барковым СПб, 1763

³⁰ Французские просветители, особенно Д. Дидро, очень ценили сатиры Горация По этой теме см. Curtius E. R. Diderot e Orazio // Letteratura europea e medioevo latino Firenze 1992 P. 643—657

³¹ Западов А. В. Поэты XVIII века Литературные очерки М, 1984 С. 45

³² Кантемир А. Д. Собр. стихотворений Л, 1956, в предисловии он так мотивировал выбор для этого перевода « а из его сочинений выбрал я его „Письма“ для того что они больше всех его других сочинений обильны нравоучением Почти всякая строка содержит какое-либо правило, полезное к учреждению жития »

³³ В своих стихах Гораций часто упрекает плохих поэтов, ср. Посл. II 2 (100—125)

³⁴ Стенник Ю. В. Из истории литературной полемики 1770-х гг. (Сатира Сумарокова «О худых рифмоторцах») // Русская литература XVIII—начала XIX века в общественно культурном контексте Л, 1983 С. 251—260

³⁵ Этот стилистический принцип изложен Горацием и в «De arte poetica» (335—337) Феофан Прокопович, чтобы подтвердить убедительность этого понятия, цитировал именно эти стихи Prokhorovicz F. De arte poetica P. 230

³⁶ За второй принцип высказался и М. В. Ломоносов, см. Ломоносов М. В. Письмо о правилах российского стихотворства // Русская литературная критика XVIII века М. 1978 С. 25—30 «Российские стихи надлежит сочинять по природному нашему языка свойства, а того, что ему весьма несвойственно из других языков не вносить» (Там же С. 26)

³⁷ Сумароков А. П. К несмысленным рифмоторцам // Русская литературная критика XVIII века М. 1978 С. 119—121

пытается ответить на критику Тредиаковского, который, между прочим, обвинял соперника в плагиате из Буало³⁸ и в невежестве.³⁹ В статье «Об остроумном слове», вероятно выступая против *вздорного* и *надутого* стиля Ломоносова, Сумароков уточнил свое понятие о ясности и краткости в изложении, утверждая, что в поэтическом слове прежде всего почитаются безыскусность, краткость и ясность речи, в то время как говорливость свойственна бездарным людям.⁴⁰

К концу XVIII в. некоторые особенности поэтического творчества Сумарокова можно заметить и у Державина, не случайно названного современниками «русским Горацием». Часто ссылаясь на Горация и особенно на «Послание к Пизонам», в «Рассуждении о лирической поэзии или об оде»⁴¹ Державин излагает некоторые поэтические принципы классицизма как *единства страсти, нравоучения, разнообразия, краткости, правдоподобия, новости и изображения природы* через «блестящие живые картины, то есть с природою сходственные виды <...> Картины сии в лирической поэзии должны быть кратки, огненною кистью или одною чертою величественно, ужасно или приятно начертаны. Излишнее распространение у них отнимает цену».⁴² В этом утверждении кроме понятия *краткости* обращает на себя внимание еще один поэтический принцип Горация — это приближение поэзии к живописи: «*Ut pictura poesis: erit quae, si propius stes, / et quaedam, si longius abstes*» (De arte Poetica, 361—362). В барочной поэзии вообще и в поэзии начала XVIII в. в частности этот художественный принцип был воспринят Ф. Прокоповичем, который, говоря о поэтическом вымысле, писал: «Как я, по крайней мере, считаю, замысел у поэта и живописца совершенно один и тот же <...> поэзия есть говорящая живопись, а живопись — немая поэзия».⁴³

Однако в миропонимании Горация поэзия должна не только *развлекать и учить*, но приобретает более высокое значение. Несмотря на постоянное совершенствование своего поэтического творчества, Гораций исключил себя из числа поэтов (*exsegram numero*), ибо считал, что нельзя звать поэтом того, кто умеет лишь сочинять хорошие стихи, этого звания достоин только тот, у кого есть *остроумие, божественный ум* (*mens divinior*) и красноречие, необходимые для воспевания великих деяний (*Satura I, 4 (39—45)*).

Поклонник своей «легкой музыки», Гораций тем не менее был глубоко убежден в общественной и пророческой миссии поэзии, концепция которой восходила к платоновской теории божественного вдохновения поэта: «Поэты же — не что иное, как толкователи воли богов, одержимые каждый тем богом, который им владеет» (*Platon, Ion, 533—535 e*).⁴⁴ Гораций утверждает, что поэт, т. е. пророк (*vatis*), «передает точно исторические события, учит будущие поколения на славных примерах, утешает бедных и немощ-

³⁸ Клейн Й. Русский Буало? (Эпистола Сумарокова «О стихотворстве» в восприятии со временников) // XVIII век СПб., 1993 Сб 18 С 40—58, Песков А. М. Буало в русской литературе XVIII—первой трети XIX в. М., 1989

³⁹ Тредиаковский В. К. Письмо, в котором содержится рассуждение о стихотворении, поныне на свет изданном от автора двух од, двух трагедий и двух епистол, писанное от приятеля к приятелю // Русская литературная критика XVIII века М., 1978 С 73 Опираясь на мнение Горация о взаимоотношении между природной одаренностью и образованностью (De arte poetica, 408—411) Тредиаковский утверждал «Признаваем, что есть в нем природная острота но сия острота в нем не обученная»

⁴⁰ Об этом см. Гуковский Г. А. Литературные взгляды Сумарокова // Сумароков А. П. Стихотворения / Под ред. акад. А. С. Орлова Л. 1935 С 340

⁴¹ Державин Г. Р. Рассуждение о лирической поэзии или об оде // Русская литературная критика XVIII века М. 1978 С 284—294

⁴² Там же С 289

⁴³ Прокопович Ф. De arte poetica P 405

⁴⁴ Платон Собр. соч. В 4 т. М. 1990 Т 1 С 377

ных. Кто научит молитвам деву и невинных детей, если Муза не даст им Пророка?» (Посл. II, 1 (130—133)).

Этот «пророческий» мотив в поэтике Горация, кажется, был замечен поэтами-литераторами, когда они приступили к созданию русской одической традиции и участвовали в литературных состязаниях,⁴⁵ но полностью его не восприняли. Русские поэты XVIII в., как например, Тредиаковский, Ломоносов,⁴⁶ Сумароков⁴⁷ и Державин,⁴⁸ активно действовали в литературной сфере, чувствовали себя гражданами и придавали своему поэтическому творчеству определенное общественное значение: сочиняли стихотворения, в основном одические, для того чтобы торжественно воспевать блестящие победы полководцев российской армии и торжественные случаи из жизни царей, иногда даже давали «властителям» добрые советы о том, как управлять государством, и провозглашали высокие гражданские идеалы.⁴⁹ Но никто из вышеупомянутых поэтов никогда не приписывал себе божественного вдохновения и не чувствовал себя прорицателем, голосом высших сил. Сам Державин признает, что в древности роль поэта была совершенно иной: «Пророк вдохновенный (vates), или древний лирик, был одно и то же. Он был герольд Неба, орган истины».⁵⁰ Концепция, согласно которой поэты являлись одновременно пророками-прорицателями, была совершенно чужда миропониманию просветителей XVIII в. Пророческое значение поэзии было осознано только в начале XIX в., когда по всей Европе распространились литературное романтическое движение и философские воззрения И. Г. Фихте. В России В. К. Кюхельбекер и А. С. Пушкин прекрасно изобразили роль поэта в соответствии с этими взглядами. В поэтическом творчестве этих двух русских авторов очень ясно проявляется романтическое понимание активной роли *поэта-пророка* в обществе, которая больше не позволяет ему мечтать и чуждаться «сего ленистого мира». С этими идеями мы встречаемся уже в самом начале стихотворения Кюхельбекера «Пророчество»:⁵¹ «Глагол Господень был ко мне / За цепью гор на Курском бреге: / „Ты дни влачишь в ленивом сне, / В мертвящей душу, вялой неге! / На то ль тебе Я пламень дал / И силу воздвигать народы? / *Восстань, певец, пророк свободы! / Вспрянь! возвести, что Я вещал*“».

Бесспорно оригинальным и впечатляющим, без излишних литературных реминисценций, является «Пророк» Пушкина.⁵² Пользуясь евангельскими мотивами, в этом стихотворении Пушкин рассказывает о своей встрече с «шестикрылым серафимом», о том, как он одаривает поэта двумя качествами — мудростью и пылающим сердцем, обязательными *пророку* для ис-

⁴⁵ По этой теме см. Гуковский Г. А. К вопросу о русском классицизме: состязания и переводы // Поэтика. Сб. статей. Л., 1928. Т. 4. С. 126—148; Шишкин А. Б. Поэтическое состязание Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова // Русская литература XVIII—начала XIX века в общественно-культурном контексте. Л., 1983. С. 232—243.

⁴⁶ О нем см. Западов А. В. Поэты XVIII века. С. 138—158; Михайло Ломоносов. Жизнеописание. Избр. труды.

⁴⁷ Луцевич Л. Ф. Торжественные оды А. П. Сумарокова // Из истории русской литературной критики. Кишинев, 1984. С. 81—91.

⁴⁸ Фоменко И. Ю. Автобиографическая проза Г. Р. Державина и проблема профессионализации русского писателя // Русская литература XVIII—начала XIX века в общественно-культурном контексте. Л., 1983. С. 143—165.

⁴⁹ Степанов В. П. К вопросу о репутации литературы. С. 105—121; Панченко А. М. О смене писательского типа в Петровскую эпоху // XVIII век. Л., 1974. Сб. 9. С. 119.

⁵⁰ Державин Г. Р. Рассуждение о лирической поэзии или об оде // Сочинения Державина. СПб., 1872. Т. 7. С. 569, то же мнение раньше высказал Ф. Прокопович в «De arte poetica» «По старинному взгляду, некое божественное и небесное вдохновение побуждает поэтов писать стихи» (Р. 345).

⁵¹ Кюхельбекер В. К. Соч. Л., 1989. С. 65—67.

⁵² Пушкин А. С. Собр. соч. М., 1974. Т. I. С. 82—83.

полнения высшей миссии: «И вырвал грешный мой язык, / <...> И жало мудрая змеи / В уста замершие мои / Вложил десницею кровавой. / <...> И сердце трепетное вынул / И уголь, пылающий огнем, / Во грудь отверстую водвинул. / Как труп в пустыне я лежал, / И Бога глас ко мне воззвал: / „Встань, пророк, и виждь, и внемли, / Исполнись волею моею, / И, обходя моря и земли, / Глаголом жги сердца людей“». В этих стихах особенно видно, что *пророк* Пушкина, чтобы исполниться Божьей волей, забыв все суетное, мелкое, приземленное, должен двигаться по земле и *жечь* своими словами сердца людей. Следовательно, поэт является не только *пророком*, *голосом* высшей воли, как утверждается в теории Платона и в «Поэтике» Горация, но и *носителем* божественного пламени, *певцом* свободы, *глашатаем* высоких гражданских идеалов.⁵³

В теории Горация поэзия приобретает еще одну важную особенность — это *бессмертие поэтического творчества*, утверждаемое в одах II, 20; III, 30; IV, 8; IV, 9. На самом деле в оде IV, 8 он выражает убеждение, что не надписи, высеченные на могильных плитах для грядущих поколений, дают дуновение жизни и стимулы к подражанию доблестным вождям. Достойному человеку муза запрещает умереть (IV, 8 (10—28)). Ф. Прокопович⁵⁴ и затем М. В. Ломоносов⁵⁵ вполне разделяли мнение Горация о том, что лишь благодаря поэтическому творчеству великих поэтов древности в памяти народов навеки останутся подвиги и храбрые деяния, совершенные античными героями. До появления поэтического творчества исторические события и имена людей уходили в небытие и исчезали. Так, Ломоносов переложил Горация: «Бывали и там герои, бывали отменные дела в обществах, бывали чудные в натуре явления, но все в глубоком неведении погрузились:

Герои были до Атрида
Но древность скрыла их от нас,
Что дел их не оставил вида
Бессмертный стихотворцев глас»⁵⁶

С этим соглашается и Г. Р. Державин, который, излагая принцип правдоподобия, пишет: «...лира издревле посвящена на сохранение дел народа или, лучше, на расширение славы его».⁵⁷

Даже если в «Сатире» I, 4 Гораций исключил себя из числа поэтов, потому что не считал себя *поэтом-пророком*, способным воспевать подвиги античных героев и современных ему вождей, все-таки в произведениях второго периода становится все более явной идея о том, что поэзия, если она возвышенная, придает воспеваемой теме бессмертие.

Поэт предчувствует, что его стихи не исчезнут и что его имя будет известно повсюду, даже народам, живущим в самых отдаленных уголках Римской империи (Ода II, 20, 17—20). В оде IV, 9 (1—12) Гораций уточняет, что слова, им сочиненные, не погибнут, благодаря тому что он придумал стопы, раньше неизвестные, чтобы сопровождать звуками лиры свои стихи. И дальше поэт утверждает, что даже при том, что Гомер занимает первое

⁵³ На эту тему см. Ильин И. А. Одинокий художник Пророческое призвание Пушкина М., 1993 С. 40—69 О периоде создания этого стихотворения см. Томашевский Б. Пушкин М. 1990 Т. 2 С. 277—302, Сурач И. «Кто из богов мне возвратил» Пушкин, Пущин и Гораций // Новый мир 1994 № 9 С. 209—226

⁵⁴ Prokopowicz F. De arte poetica P. 236, 345

⁵⁵ Ломоносов М. В. Предисловие о пользе книг церковных С. 240

⁵⁶ Переложение части оды IV 9 Горация (IV, 9 25—28) Об этом см. Стенник Ю. В. Теоретико-литературные взгляды М. В. Ломоносова С. 37—38

⁵⁷ Державин Г. Р. Рассуждение о лирической поэзии или об оде // Русская литературная критика С. 288

место, не забыты стихотворения ни Пиндара, ни Симонидеса, и время не смогло ослабить красоту од Анакреона.

Расширяя это понятие о бессмертии поэтической славы, в самой знаменитой оде (III, 30) «*Exegi monumentum*» Гораций подтверждает, что он воздвиг себе памятник *долговечнее меди* (*aere perennius*), ничем неистребимый вовеки (...*aut innumerabilis annorum series et fuga temporum*), его слава с веками будет все больше возрастать благодаря тому что, несмотря на низкое происхождение, он первым в Италии достиг совершенства греческой поэзии: «*Ex humili potens / princeps Aeolium carmen ad Italos / deduxisse modos*» (Ода III, 30, 11—13). Гораций, до такой степени ценивший греческую литературную культуру, что писал: «*Graecia capta ferum victorem cepit et artis / intulit agresti Latio*» (Посл. II, 156—157), для своих стихотворных сочинений придумал в латинском стихосложении новые стопы, чаще всего ямбические, уплотняя эольскую строфу Алкея и Сафо (*De arte poetica*, 79—90; 251—263).

Русские поэты и литераторы глубоко воспринимали это волнующее послание Горация к будущим временам. На самом деле начиная с XVIII в. почти до наших дней⁵⁸ в России оду «*Exegi monumentum*» переводили и ей подражали многие поэты, среди которых здесь упоминаются М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин и А. С. Пушкин.

М. В. Ломоносов первым перевел эту оду на русский язык.⁵⁹ Русский поэт мог вполне сочувствовать ее содержанию: как и Гораций, он происходил из незнатного рода и внес в родную литературу иностранные литературные темы и жанры, совершил коренные изменения в русском стихосложении, придумав новые тонические стопы, особенно ямбические: «Что мне беззнатный род препятством не был. / Чтобы внести в Италию стихи эольски / И первому звенеть Алцейской лирой» (Ода III, 30, 12—14).

Хотя Ломоносов передал текст оды почти без существенных изменений, нельзя утверждать, что он «не внес в него никаких оценок собственного творчества».⁶⁰ В отличие от Державина и Пушкина, которые переделали и русифицировали оду, Ломоносов замечательно передал смысл и сохранил верность авторскому тексту, что само по себе удивительно, если вспомнить, что в XVIII в. по всей Европе переводы бывали, как правило, «красивыми, но неверными». Тем не менее Ломоносов немного обновил и модернизировал текст. Передавая «*Monumentum*» словом «знак» «*signum*» («Я знак бессмертия себе воздвигнул»), русский поэт, видимо, хотел указать на новизну и актуальность Горациевой литературной деятельности и подчеркнуть, что то, что он совершил, принадлежит не только памяти, но стало действующим знаком. Модернизация текста заметна особенно там, где упоминаются языческие божества и обряды, как, например, в следующих стихах: «*Non omnis moriar, multaque pars mei / vitabit Libitinam*». Русский поэт передал внутренний смысл оды, пропустив упоминание о Либитине, богине смерти: «Не вовсе я умру, но смерть оставит / Велику часть мою, как жизнь скончаю», и затем: «...*usque ego postera / crescam laude recens, dum Capitolium / scandet cum tacita virgine pontifex*» (Ода III, 30, 6—9) — Ломоносов не воспроизводит языческий обряд, о котором говорит Гораций, но передает его смысловое значение: «Я буду возрастать повсюду славой, / Пока великий Рим владеет светом». Очевидно, Гораций отождествлял возрастание своей

⁵⁸ Об этом см. Алексеев М. П. Пушкин и мировая литература Л. 1987. С. 236—266

⁵⁹ Ломоносов М. В. Соч. С. 212, на эту тему см. Нахов И. М. Ломоносов и античность // Вопросы классической филологии М., 1965. С. 16—19

⁶⁰ Западов А. В. Поэты XVIII века М. В. Ломоносов М., 1979. С. 109 ср. Busch W. Horaz in Russland S. 54. 60

славы с существованием римской языческой религии, т. е. Римской империи, как уже было подчеркнуто.

Г. Р. Державин⁶¹ в своем подражании полностью переделал текст Горациевой оды, опустив все намеки на римский языческий мир и упоминая географические названия только Европейской части Российской империи: «Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный / <...> Слух пройдет обо мне от Белых вод до Черных, / Где Волга, Дон, Нева, с Рифея льет Урал». Он признает себя достойным вечной памяти не только за поэтические заслуги, но и благодаря высоким принципам, которым следовал в своей общественной и политической деятельности: он был искренним певцом Екатерины II, но не «льстецом» властителей: «Что первый я дерзнул в забавном русском слоге / О добродетелях Фелицы возгласить, / В сердечной простоте беседовать о Боге / И истину царям с улыбкой говорить».

В подражании, сделанном А. С. Пушкиным,⁶² текст этой оды приобретает новые и высшие значения: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный / <...> И славен буду я, доколь в подлунном мире / Жив будет хоть один пиит». В отличие от Горация и Державина, Пушкин отождествляет свою поэтическую славу не с имперской державой или какой-либо могущественной особой, но с бессмертием поэтического творчества, с существованием даже только одного настоящего поэта. Подобно тому как Гораций предчувствовал, что имя его будут знать повсюду и его узнают даже далекие восточные народы, только что завоеванные римской державой, и Пушкин торжественно восклицает: «Слух обо мне пройдет по всей Руси великой, / И назовет меня всяк сущий в ней язык, / И гордый внук славян, и финн, и ныне дикий / Тунгус, и друг степей калмык». Аргументы, к которым прибегает Пушкин, утверждая право своего поэтического творчества на бессмертие, являются совершенно новыми и оригинальными: если Гораций писал свои произведения только для знатных и образованных людей (Сатира I, 10,75—96), если Державин старался быть особенно приятным «царям», Пушкин, наоборот, справедливо предвидел, что именно народ будет его любить, благодаря добрым чувствам, пробужденным его поэзией, и за то, что он как настоящий пророк в опасное время сумел прославить свободу: «И долго буду тем любезен я народу, / Что чувства добрые я лирой пробуждал, / Что в мой жестокий век восславил я свободу / И милость к падшим призывал».

Из всего сказанного можно заключить, что в России поэты-литераторы XVIII в., почитая и изучая произведения Горация, воспринимали его, в соответствии с литературными тенденциями своего времени, прежде всего как поэта-теоретика, поэта-классициста и плодотворно развивали его поэтические принципы, как, наверное, ни в какой другой стране. Но они совсем не поняли всей сложности внутреннего, лирического мира поэзии Горация, его волнующих и тревожных высказываний о судьбе и значении человеческой жизни. Все эти темы были развернуты и обогащены в начале XIX в. в поэтическом творчестве великого русского поэта А. С. Пушкина, наследника богатства русской литературы XVIII в.

⁶¹ Державин Г. Р. Стихотворения Л, 1981 С. 116—117

⁶² Пушкин А. С. *Ехegi monumentum* С. 385, об этом см. Алексеев М. П. Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг» // Алексеев М. П. Пушкин и мировая литература С. 5—236